

БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА
Ю. КОРЧЕВСКОГО

ЮРИЙ
КОРЧЕВСКИЙ

САМОХОД

«ПРОЩАЙ, РОДИНА!»

МОСКВА
2017

ЯУЗА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К70

Разработка серии *С. Курбатова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *А. Соловьева*

Корчевский, Юрий Григорьевич.
К70 Самоход. «Прощай, Родина!» / Юрий Корчевский. — Москва : Издательство «Э», Яуза, 2017. — 416 с. — (Боевая фантастика Ю. Корчевского).

ISBN 978-5-699-98204-2

Он попал на Великую Отечественную из нынешней Российской армии.

Он не спецназовец, не разведчик, не диверсант, а простой солдат-срочник, наводчик противотанкового орудия «Рапира».

И боевое крещение в кровавом 1941-м он принимает за прицелом пушки-«сорокапятки», которую на передовой прозвали «Прощай, Родина!» – слишком большие потери несли их расчеты в схватках с немецкими танками.

Но фронтовая судьба хранит «попаданца», пересадив его в боевое отделение самоходки. Сначала это трофейный «Артштурм», потом легкая Су-7б, которую кличут «сухой», «голозадым Фердинандом» и «братской могилой экипажа». А в свой последний бой САМОХОД из будущего идет на грозной Су-85, способной «завалить» даже «Королевского Тигра»...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98204-2

© Корчевский Ю. Г., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
© ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

В ПЕКЛЕ

овестка в армию пришла неожиданно. Нет, Виктор знал, что придется отдать священный долг Родине. Но только вчера он получил диплом техника по ремонту и эксплуатации автомобильной техники, и на завтрашний день были планы оттянуться по полной с сокурсниками — за три года техникума он обзавелся друзьями по интересам. И вдруг — как гром среди ясного неба.

Служить не хотелось, и не столько пугала дисциплина и хождение строем, как дедовщина. Правда — это кому как повезет. В их большом многоэтажном доме были парни, отслужившие в армии, и кто-то дедовщиной пугал, другие же говорили — брехня.

Отец назидательно сказал:

— Я три года срочной отслужил и, как видишь, жив и здоров. Армия из тебя мужчину сделает.

Виктор понимал, что в чем-то отец был прав. Ныне без службы в армии ни в силовые структуры, ни на государственную службу не устроиться.

Мать всплакнула и под бдительным оком отца собрала тощий сидор.

Утром провожали всей семьей — отец, мать и младший братишка Иван.

Около призывного пункта народу было полно, провожающие слегка хмельные, кто-то на гармошке наяривает, остальные песни горланят. Девушки — у кого они есть, конечно, — на шеях у призывников виснут, дожидаться обещают.

А потом построение, перекличка. Тут же, на призывном пункте, переодели в армейское, постригли. Многие себя в зеркале не узнавали. Конечно, лысые, все в одинаковой форме и похожи друг на друга, как болты в коробке.

Автобусом до железнодорожного вокзала, и — здравствуй, Мулино, 468-й окружной учебный центр.

Виктор резонно полагал, что в армии его обучат на водителя бронетранспортера или механика-водителя танка, а попал в учебный противотанковый артиллерийский полк. И пушечки далеко не новые, 100 мм, буксируемые МТ-12 или 2А29 серии «Рапира». Производиться они начали еще во времена СССР, с 1970 года. Позже, в армии, для борьбы с бронированными целями появились ПТУРСы — противотанковые ракетные комплексы, причем управляемые сначала по проводам, а потом — по лазерному лучу. Пушки потихоньку уступали позиции, однако и ракеты оказались не без изъянов. Стоило противнику пустить дымовую завесу, и лазерное наведение слепо. Кроме того, пушки обладали лучшей кучностью и точностью боя.

Виктор вначале расстроился. Пушкарь — не очень современно. Но затем ему стало интересно, тем более что механика его всегда интересовала.

Расчет у этой пушки состоял из шести человек, но Виктор попал в наводчики. Прицелы изучали — АПН-6-40 и ОП4М-404, материальную часть пушек. Хуже всего были занятия по баллистике — сплошная математика и расчеты. Для стрельбы прямой наводкой по цели они не очень то и нужны, тем более что все расчеты вел командир батареи или огневого взвода.

Порядки в «учебке» были строгие: подъем, умывание, физзарядка, завтрак, занятия, и с непривычки он к вечеру падал в койку полумертвым. Однако через месяц-два привык, втянулся, полегче стало. А когда от теории перешли к полевым занятиям — и вовсе интересно. Плохо только, что пушка тяжела, три тонны весом, попробуй по неровному полю расчетом в шесть человек катить ее, да еще капонир отрыть!

Потом к стрельбам перешли. Тренировались по мишеням — сначала неподвижным, а потом движущимся. Для экономии дорогих боеприпасов в ствол пушки вставлялся вкладной стволик под патрон крупнокалиберного пулемета 14,5 мм, и все номера расчета действовали так, как будто стреляли боевыми снарядами. Заряжающий вкладывал пулеметный патрон в ствол, кладал затвором, а после выстрела кричал «Откат нормальный!», хотя никакого отката не было совсем.

К концу «учебки» проводились стрельбы боевыми снарядами, по три на ствол. Но снаряд —

это по-обывательски. В артиллерии снаряд — это то, что вылетает из ствола и поражает цель. А вообще-то, если грамотно — патрон или выстрел, который объединяет снаряд и гильзу с пороховым зарядом, довольно тяжелые.

Батарея состоит из шести пушек. Командиры орудий приказали:

— Готовься! Зарядить подкалиберным!

Заряжающий патрон в камору ствола втолкнул, затвор сам закрылся.

— Наводи! Дальность — восемьсот метров!

Виктор приник к дневному прицелу, увидел далекую цель и стал вращать маховички вертикальной и горизонтальной наводки. Только сразу некую странность заметил — изображение у сетки прицела не такое, как всегда. Сначала подумал — не глаза ли «замылились» от напряжения? Повернул голову влево — там пушка, где наводчиком Лешка, сосед по кровати. Нет, все нормально, к прицелу приник, лицо сосредоточенное. И видит его Виктор четко.

Он снова приник к прицелу. Первое указание было — стрельба по неподвижной цели, силуэтику. А тут мишень качается, и полное ощущение — на тебя настоящий танк ползет, да еще на лобовой броне крест немецкий. Для боевых стрельб нарисовали?

Однако командир орудия вел себя как всегда. Он резко опустил поднятую руку с флажком и крикнул:

— Выстрел!

Виктор нажал спусковой рычаг. Грянул выстрел, пушка подпрыгнула, ствол откатился назад,

звякнула выброшенная из патронника гильза и остро запахло сгоревшим порохом. Заряжающий закричал «Откат нормальный!», но Виктор обратил внимание, что голос у него изменился, сильным стал. У заряжающего Павла голос звонкий, мальчишеский еще.

Виктор повернул голову и замер: рядом с пушкой стояли два солдата, однако они были совершенно незнакомы ему, а еще и в советской форме старого образца — с петлицами вместо погон.

Виктор скосил глаза — и у него погон нет. Все это было непонятно и странно, тем более что и пушка была ему незнакома. Не его МТ-12, а маленькая, низкая — такие он в старой кинохронике видел, «сорокапятка», или «Прощай, Родина!» — так ее называли пушкари. По сравнению с его «Рапирой» просто игрушечная, и заряжающий вбрасывает в казенник патрон удивительно маленький.

Командир орудия с тремя треугольниками в петлицах кричит:

— Попали! Горит, сволочь! Целься по бронемашине, слева двадцать!

Виктор оторопел — кто горит, почему? И люди вокруг настроены сурово и решительно. А еще — они же незнакомы, но почему-то его за своего принимают.

Виктор приподнял голову над низким щитом: впереди, метрах в трехстах, стоял и дымил настоящий немецкий танк Т-II — видел он такой на фотографиях и в хронике, такие в поверженный Париж входили. Бред какой-то!

Но слева от танка бронетранспортер выползает.

Виктор припал к прицелу. Ну да, прицел тот, в который он целился — прицельная марка в виде треугольника. Стекло слегка мутноватое, не такая кратность, как на прицеле «Рапиры».

Виктор навел марку на капот двигателя и нажал кнопку спуска. Грянул выстрел, и бронетранспортер встал. Из него посыпались солдаты в серой форме.

— Попал! Так им! — И командир витиевато, от души выматерился.

Виктор украдкой осмотрелся.

Пушка стояла в неглубоком капонири, благо — сама низкая. Впереди, в полусотне метров, была видна траншея и пулеметный окоп, мелькали стальные каски.

В эту секунду из пулеметного окопа по немцам ударил пулемет. Звук был необычный, отличался от РПК или «печенег». И щиток на пулемете — неужели «максим»? Виктор ведь его только в музее видел, на стенде, посвященном Гражданской войне.

Каждая минута приносила удивительные моменты, которые он объяснить не мог.

Его слегка толкнули в руку.

— Пить будешь? — заряжающий протянул ему солдатскую фляжку.

Виктор кивнул, отпил пару глотков и вернул флягу. Неожиданная мысль пришла ему в голову: если это сон, то почему вода настоящая? И самое непонятное: если он неожиданно оказался в другом времени или пространстве, то почему никто из расчета пушки не видит, что у прицела сидит другой наводчик? Неужели так похожи лица? Фор-

ма солдатская одинакова у всех, понятное дело, армия — но лицо? Голова шла кругом, но с разборкой Виктор решил пока повременить — ситуация не та.

И тут он едва не прокололся, похлопав пушку по казеннику:

— Это «сорокапятка»?

Сказав так, он едва не прикусил язык. В документальном кино он видел хронику, и пушки были точь-в-точь такие, но везде говорили о калибре в 45 миллиметров. Откуда ему было знать, что в основе противотанковой артиллерии РККА была немецкая лицензионная пушка PaK 3,7 см 35/36, которая начала производиться на подмосковном заводе имени Калинина под индексом 1К и которая стала первой противотанковой пушкой Красной армии? На тот период пушка показала хорошую эффективность — на 300-метровой дистанции ее снаряды пробивали 30 мм брони.

Но отечественный завод производил пушки полукустарно, многие детали слесарям приходилось подгонять вручную, и на первых порах было много брака. Кроме того, бронебойные снаряды отечественных заводов уступали немецким — причина была в неправильной термообработке. Перекаленные снаряды просто раскалывались о броню, не пробивая ее.

В боях 1941 года участвовало немало пушек 1К, использовавших трофейные боеприпасы. Почти все 37-миллиметровые отечественные пушки были потеряны в тяжелых боях лета и осени сорок первого года.

В 1937 году пушку переделали. На лафет 37-миллиметровой пушки положили 45-миллиметровый ствол, ввели подрессоривание колес. Увеличение калибра позволило увеличить бронепробиваемость. Снаряд весом 1,43 кг на дистанции 500 метров пробивал по нормали 43-миллиметровую броню. Осколочная граната давала сто осколков — по фронту 15 метров, в глубину 5—7 метров. Картечь давала осыпь по фронту 10 метров, а в глубину — до 400.

Пушка обладала малым весом — всего 560 кг — и скорострельностью 12—15 выстрелов в минуту. Немаловажно еще и то, что ее силуэт был низким — это позволяло легко маскировать ее на поле боя подручными средствами.

Но и немецкое танкостроение не стояло на месте. С началом войны, столкнувшись с новыми моделями наших танков KV и Т-34, немцы увеличили толщину брони основных танков первого периода войны — Т-III и Т-IV до 50 мм, и «сорокапятка» могла поражать их только в борт или с малой дистанции — 100—200 метров.

Бой стих. Подносчик снарядов и заряжающий выбросили за бруствер гильзы и подтащили поближе ящики со снарядами. Виктор ждал, когда командир орудия отдаст приказ о смене позиции. Как хорошо ни маскируй орудие, после первых выстрелов оно обнаруживает себя — по вспышкам выстрелов, по звуку, по взметнувшейся перед стволом пыли. Немцы наверняка позицию засекли и могли накрыть ее артиллерийским огнем.

Однако командир уселся на пустой снарядный ящик и закурил.

Виктор офицерского училища не заканчивал, но несколько правил армейской жизни усвоил. Дал очередь из автомата — перекались, смени позицию. А тут — полная беспечность.

Он подошел к сержанту.

— Садись, закуривай! — предложил тот.

— Нам бы позицию сменить, — не удержался Виктор. — Мы отстрелялись, немцы нас засекли — как бы чего плохого не вышло.

Сержант помрачнел лицом, на скулах заходили желваки.

— Твое дело — наводить и попадать в цель. А решать будет командир батареи. Ясно?

— Так точно! Разрешите идти?

— Идите...

Так, контакта с командиром пушки не получилось.

Заряжающий и подносчик снарядов разговор Виктора с сержантом слышали.

— Ты чего сам нарываешься?

— На что?

— Капонир копать хочешь? Саперной лопатой не наковырялся?

Виктор пожал плечами: не хотят — не надо.

Он осмотрелся, нет ли где поблизости окопа или воронки — на всякий случай.

Укрытие понадобилось уже через довольно короткое время — далеко в небе показались точки, довольно быстро приближающиеся. Через несколько минут они превратились в пикировщиков Ю-87, прозванных красноармейцами «лаптежниками» за характерный вид обтекателей на неубирающихся шасси.

Пикировщики встали в круг, передний вошел в пике.

Заряжающий закричал:

— Воздух! — И бросился в капонир. Сделал он это зря, поскольку сверху капонир виден отлично.

От самолета отделились бомбы.

Секунду Виктор смотрел на них, пока наконец до него не дошло — надо спасаться. Он бросился в ложбину метрах в двадцати от пушки. Успел упасть и прикрыть голову руками.

Бомбы падали с противным воем, а еще для устрашения на пикировщиках включили сирену. Жутковато стало.

Грохнул один взрыв, за ним с полусекундной задержкой — еще три. Правда, далеко, метрах в ста пятидесяти, и наверняка по другим позициям.

Второй самолет отбомбился ближе, а третий сбросил бомбы на их позицию. Все заволкло пылью, уши заложило.

Когда самолеты отбомбились и улетели, Виктор выбрался из укрытия.

Картина его взору предстала нерадостная: пушка лежала на боку, рядом с капониром — две воронки.

Виктор пошел к пушке. Заряжающий был убит и наполовину присыпан землей. Командир орудия также убит — ему оторвало обе ноги. Жив был лишь только подносчик снарядов, да и то потому только, что в окопчик спрятаться успел.

И в это время от траншеи пехотинцев раздались крики:

— Танки!

Виктор быстро осмотрел пушку. Видимых повреждений он не заметил, скорее всего орудие просто перевернуло взрывной волной.

— Ну-ка, помоги! — приказал Виктор подносчику.

Навалились вдвоем, поставили орудие на оба колеса. Виктор — сразу к прицелу — не помят, не искорежен, оптика цела. Стрелять можно.

— Патрон!

Виктор снова приник к прицелу. Далеко, едва заметно переваливаясь на неровностях, ползли четыре танка. Но надо ждать, пока они подползут поближе. Пятьсот метров, четыреста, триста...

И в этот момент из пехотной траншеи раздался выстрел из противотанкового ружья — кто-то не выдержал напряжения. Но танки так и продолжали ползти.

Правее Виктора хлопнул пушечный выстрел, и стоящий рядом подносчик сказал:

— Это из нашей батареи, расчет Поликарпова. Цел, стало быть...

— Сколько было пушек в батарее?

— До бомбежки — четыре.

Танки открыли огонь из пушек.

Виктор подвел треугольник прицела немного ниже башни. В передней ее части с обеих сторон есть наклонные листы, и если попасть туда, снаряд срикошетирует вниз и пробьет броню корпуса сверху — там броня тоньше всего. Называлось это место заман.

Выстрел! Танк прополз еще немного по инерции и встал. Из люков и смотровых щелей повалил черный дым. Распахнулись люки, и из танка